

Валерий Сендеров

Проект Россия против русского европеизма: по поводу одной многотиражной книги¹

Говоря о тоталитарном наследии в России, необходимо различать два существенно несовпадающих понятия: советское мировоззрение и коммунистическую идеологию. Сформировавшаяся в 1920-е годы, идеология выглядела архаичной уже десять лет спустя; оживленный как антитеза сталинизма в хрущевское время, комидеализм был уже откровенным посмешищем в конце 1980-х. Судьба советского менталитета была иной. Он затвердевал и креп, как успехи, так и поражения системы способствовали этому: миллионы людей рассматривали ее уже как свою. Призывавшее к вере в светлое будущее «начальство» связывало с внимавшим призывам «советским народом» не только едва скрываемый в отношении этого будущего цинизм: призывы были лишь оболочкой, формой существования реального, окончательно доформировавшегося при застое менталитета. Конечно, это двуединство не удовлетворяло многих, и значительная часть диссидентских усилий как раз и была потрачена на создание некоммунистического, а подчас и антикоммунистического, советского мировоззрения (к этому вопросу мы, в тесной связи с нашей темой, еще вернемся ниже). Но в целом синтез реальной советчины с абстрактным коммунизмом был все-таки устойчив, и историческая привычка, и репрессии властей способствовали этому. Не веровавшие в ритуальные заклинания, «я – ты – он – она» были, тем не менее, едины: ощущением «вместе – целая страна», иллюзией незыблемости, вечности «советской цивилизации».

Когда в конце 1980-х идиллия рухнула, коммунистическую идею никто и не пытался спасти. Перестройка вчерашних ее апологетов казалась удивительной. Но, по существу, они занялись естественным для них делом: стали искать для советской сущности новую оболочку. Сущность эта в посткоммунистические годы уже неприкрыто являла себя. Зацикленный изоляционизм, фанатичный этатизм, ненависть к любым формам индивидуальной свободы – таковы оказались главные ее черты. Неудивительно, что первым итогом поисков оказалось евразийство – идейное учение, как раз и созданное в 1920-е годы в эмиграции как ментально советская некоммунистическая модель.

Однако постсоветские идейные эксперименты долго оказывались неудачными. Как евразийство, так и последующее – «третьеримство», консервативное рево-

¹ Статья ранее публиковалась в журнале *Вопросы философии* (2009. № 2. С. 20-29).

люционерство, «неовизантизм» – было все-таки излишне рафинированными интеллигентскими выдумками. Не в меру историчные, чересчур абстрактные – выдумки эти, умело эксплуатируя отдельные черты советского мировоззрения, не могли все-таки захватить его носителей целиком. Положение изменилось несколько лет назад, с появлением на идейной арене плотной группы энергичных, средних лет политиков и публицистов. Непрерывно экспериментируя с перечисленными выше моделями, они пришли в итоге к новым построениям – обещающим и жизнеспособным.

В сменяющихся изданиях, вокруг которых, в основном, функционирует эта группа, ее построения имеют подчеркнута прозаические названия. *Крепость Россия, Проект Россия*. Перед нами уже не обреченные на пассивное сочувствие читателя призывы в запсковскую келью Филофея или в мамаев кипчак. И не претендующие на системность экскурсы в российскую или византийскую историю – к русской истории, особенно имперским, европейским ее векам², обсуждаемые нами авторы относятся достаточно враждебно. Перед нами подчеркнута рационалистический по форме план российско-советского будущего. Опирается он, как этому и следует быть, по сути лишь на советский период истории: идеология снисходительно третируется за неэффективность, государственные же достижения ни малейшей критике не подлежат.

Наброшенное первоначально в авторских статьях, мировоззрение это закономерно переросло в систему. В 2006 году «Олма-Пресс» выпустило первый том сборника *Проект Россия*, годом ранее спецтираж этого тома уже был распространен в Кремле, ФСБ, Генштабе. В 2008 году не менее крупное коммерческое издательство «Эксмо» издало второй том; выпуск вскоре третьего обещан. Общий тираж этих изданий нам неизвестен, но один лишь дополнительный тираж второго тома – 15 000 экз. Этот, а также другие факты побуждают солидаризоваться с выводом некоторых наблюдателей: на долю сухих политических трактатов на сей раз выпал уникальный успех. Однако, насколько нам известно, *Проект Россия* так и не был подвергнут серьезному систематическому разбору. Это могло бы показаться удивительным. Если бы о молчании в серьезных изданиях вокруг этих книг не позаботились... сами их авторы.

«Чтобы действовать, следуя замыслу, а не по ситуации, нужна свобода. Свобода возможна только при одном условии – абсолютной анонимности политического действия... Всякого, кто представляет угрозу нынешней системе, высмеют или выставят врагом рода человеческого. Все это мы учли и пришли к выводу: реальная польза делу возможна только в режиме тотальной анонимности, принципиального отказа от какого бы то ни было авторства... У нас нет лица... Мы выстоим, потому что нас нет. Потому что "музыка и слова – народные"³.»

² Кантор В. Русский европеец как задача России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2004. № 1. <<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Kantor.pdf>>.

³ Проект Россия. Т. 2. М., 2008. С. 4.

Навязчиво рекламируемая анонимность книги добивается и достигает нескольких целей одновременно. Авторы и не скрывают некоторых из них: возможно ли, в самом деле, всерьез обсуждать подметные, базарно преподносимые политические памфлеты? Если же интерес к ним и возникает в солидной прессе, он немедленно отсылается по ложному следу: «А вот эту главу вот этот-то написал!» И, таким образом, серьезный анализ *Проекта* надежно блокируется – с двойным и тройным запасом прочности.

Но дело, конечно, не в том, кто именно автор той или иной части сборников: перед нами окончательное оформление идей, вот уже несколько лет активно высказываемых в определенных кругах. Что это за круги? Многие убеждены, что фашизированное постсоветское мировоззрение – просто-напросто провокация властей. Но это не властные, а привластные круги – иногда прикармливаемые Кремлем, иногда получающие от него по рукам. Что им при всех условиях не светит – это вращаться в первый, подлинно властный эшелон. И потому они ненавидят «демократическую» (по их представлениям это прилагательное несомненно справедливо) сегодняшнюю власть. И обращаются теперь уже не к ней. А – со все растущим с годами успехом – к «народу». К агрессивной, ксенофобской части среднего класса – той, что, по слову писателя, никогда не довольна своим доходом, но вечно довольна своим умом.

Трудно прогнозировать судьбу таких идей в России. Но при всех условиях они еще долго будут оказывать влияние на мировоззрение ее граждан. Поэтому мы и хотим подвергнуть *Проект Россия* детальному рассмотрению.

«Мы и наши враги», или Самопрезентация авторов сборника

Упорно пропагандируя «принцип анонимности политического действия», авторы тем не менее дают на страницах книги свой весьма выразительный групповой портрет. Не сделать этого они и не могли бы: с таким портретом неразрывно связаны как сами их идеи, так и способ подачи этих идей. Впрочем, конспирация в этом вопросе и не может входить в планы группы: речь идет о весьма положительном, с точки зрения идеологии *Проекта*, портрете. Он выразительно вырисовывается в книге на фоне рассуждений об элите и массе.

«Масса приходит в движение, следуя за свободными. По своей природе масса инертна. Она не может создавать собственных ориентиров, ей всегда нужен повод. Такова природа общества. В этом большой смысл. Если бы каждый был сам себе режиссер, общество как единое целое было бы невозможно. Именно благодаря потребности подражать возможно как существование общества, так и

управление им»⁴. «Нужны свободные, способные задать импульс и направление. Участие остальных на этапе становления бессмысленно. Времена массовых партий прошли. Будущее за новой формой действия»⁵. «Первооткрыватели принципиально новых теорий – люди пророческого типа. Они возвещают миру о том, чего еще никогда не было. Откуда идеи приходят им в голову, не знает никто»⁶. «Новая система рождается за рамками старых систем в ничем не ограниченном поле деятельности. Она рождает новых людей, своего рода стройматериал будущей силы и костяка будущего государства»⁷. «Мы будем центром, вокруг которого начнет структурироваться масса. Приглашение единомышленников встать в строй в этом случае будет самой обычной мобилизацией. Сам этот факт дисциплинирует людей. Две составляющие, солдаты и офицеры, смыкаются воедино. Все, господа демократы, руки вверх»⁸. «Мы не политики, озадаченные надвигающимися выборами. Мы создаем новую цивилизацию»⁹.

Перед нами хорошо известное мироощущение – подпольной, революционной народной элиты. Целые блоки подобных деклараций кажутся списанными то ли у Бакунина с Ткачевым, то ли у Сореля. То ли просто с монологов Петруши Верховенского. Такое мироощущение не всегда связано с позитивным, пусть и утопическим, идеалом: «новая цивилизация» до конца труда так и не приобретет ясных черт. Но всегда связана – с образом врага; врагом этим на протяжении нашей книги выступает демократия.

Критика демократии в ней – в основном повторение многократно сказанного. Причем особенно выразительно – именно западными противниками демократии, либерализма, парламентаризма. Впрочем, учитывая образовательные особенности аудитории – адресата трактата, это нельзя, с точки зрения агитационной, считать минусом книги. Лишь в одном моменте авторы вносят в свою критику по-настоящему свежую струю. В моменте, на первый взгляд, несколько неожиданным.

Ощущение собственной элитарности соседствует и уживается у коллективного автора с комплексом иным – неполноценности, неконкурентоспособности. Свобода слова для авторов – положение, когда именно они «абсолютно беззащитны против информационных пуль»¹⁰. Можно и принять нарисованную в книге черную картину свободы: хорошо, пусть все это не более чем расстрел; но ведь и в этом случае есть выигравшие, «расстреливающие». В роли выдержавших конкуренцию авторы, однако, и не мыслят себя. При демократии, сетуют они, «как при поступлении в вуз – чем больше соискателей на место, тем труднее

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 440.

⁸ Там же. С. 442.

⁹ Там же. С. 444.

¹⁰ Там же. С. 3-4.

сдать экзамен. Демократический экзамен на «элитность» сдавали самые жуликоватые из самых талантливых проходимцев»¹¹. «Народные выборы, по сути являющиеся манипуляцией сознанием, создавали ситуацию, где победить мог не просто самый умный и сильный, но к тому же и самый беспринципный. Честные умные и сильные проигрывали беспринципным умным и сильным»¹². Что делать в такой ситуации честным умным и сильным? Ответ напрашивается: их удел – борьба. Борьба со «свиным рылом демократии»¹³, не на жизнь, а на смерть. Самоуничтожение авторов вряд ли свидетельствует об их наивности, скорее, перед нами точный расчет. На сытую, но не наевшуюся аудиторию: на слои среднего класса, недополучившие свое.

Сокрушение демократии в книге – последовательное, всеобъемлющее. В первом томе *Проекта* авторы высказываются, в качестве антитезы, за установление в России истинной, национально-православной монархии (не путать с порочной идеей восстановления вестернизаторской, романовской). Во втором томе они уже отказываются от этой логичной, хоть и не новой мысли. Основание: «вредное воздействие на царствующий дом западной эстрады, голливудских фильмов, мультяшек, компьютерных игр. Кто запретит принцам или принцессам жить «глянцевой» жизнью? В монархическом государстве не может быть силы, способной регламентировать жизнь царя, членов царской семьи и их ближайшего окружения»¹⁴. Но не Барби с мультяшками сокрушат православно-народную окончательно: все дело в том, что в наследственной элите внутренние аристократические достоинства правителей часто не воспроизводятся. Связанный с этим застой принесет, разумеется, России отдохновение и благо. «Монархия принесет кратковременное облегчение. Уже во втором поколении власть наполнится людьми, по духу не являющимися элитой»¹⁵. Увы, после этого неизбежно «начнется обратный процесс, что приведет к воссозданию худшего варианта демократии»¹⁶. Размывающий спасительную плотину некомпетентности, коварный и умный демократический вал... Этот образ преследует авторов на протяжении книги. Но находок такого класса не может быть много. Как все-таки удастся заполнить критикой демократии, в целом достаточно одноплановой и плоской, несколько сот страниц?

Все дело в том, что авторы книги, по примеру своих противников – либералов, современное понятие демократии неправомерно расширяют: под ним они подразумевают не только совокупность выборной системы и понимаемых в духе XX-XXI вв. человеческих прав. «Демократия» в рассуждениях выступает как синоним «свободы», всей совокупности индивидуальных, с некоторой долей условно-

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 19.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 24.

¹⁶ Там же. С. 24.

сти именуемых обычно европейскими, свобод. И, далее – понятие свободы наши авторы также рассматривают расширительно, динамично: в частности, в его культурном и историческом развитии. А при таком подходе в поле демократии попадает уже многое. Поэтесса Сапфо (агитировала читательниц за неправильные формы половой жизни)¹⁷; философ Хомяков (за низкопоклонство перед Западом – «страной святых чудес»)¹⁸; историк Карамзин (оклеветал, по наущению немцев Романовых, нашего русского Ивана IV)¹⁹. По нашему мнению, такое сочетание представляет для рассмотрения некоторый интерес.

Как «Православное Царство вытеснит демократию», или Базовый подход

Говоря об очередном тоталитарном проекте, нам хочется прежде всего вычлениить его основной, базовый стержень. Это привычно: порассуждав на тему «всё определяется классовой борьбой», можно вывести из этого закономерности истории, геополитики, культуры. Однако в богатом наследии тоталитаризмов прошлого века этот пример, пожалуй, единственный. Попробуем выделить «марксистскообразный» базовый стержень, например, в евразийстве – разработанном, пережившем в конце века очередной подъём учении. Итоги вряд ли удовлетворят нас: «Мы – не Европа» – вот к чему, если без натяжек, они сведутся скорее всего. Что уж говорить о правых утопиях, основанных на подчёркнуто иррациональных эмоциях типа «крови и почвы».

Всё дело в том, что из всех утопий лишь марксизм-ленинизм позиционировал себя как изначально научный подход, оттого он и представал в демонстративно рационализованной форме. Это не значит, конечно, что иррациональные «проекты» не обладали притягивающим и мобилизующим потенциалом, не воздействовали на людей. Просто способы их воздействия иные, они не исходят из чётко и кратко формулируемых идей. Но помимо этой двойственности, есть и еще одна важная особенность в утопизме прошлого века. Мы говорим о решительном доминировании подчас практики над теорией. О ситуации, когда важнее любого марксизма становится – реализованный фактически еще Лениным при формировании партии – несложный лозунг: «Кадры решают всё». Это не простое властолюбие, не карьеризм – а один из опаснейших видов утопически-практического подхода к миру. Именно он даёт утопии прочную, на долгие десятилетия власть.

¹⁷ Там же. С. 418-419.

¹⁸ Там же. С. 405.

¹⁹ Там же. С. 405-406.

Как осмысливает богатый опыт XX века *Проект Россия*? «Общая». «Кадровая». «Теория». Таковы названия первых глав второго тома. Следующая за преамбулой «кадровая» глава (с.75-146) весьма подробна, на её фоне «Теория» (с.147-190) кажется едва ли не скороговоркой. Но главное не в последовательности и не в объёме: авторы по существу – горячие поклонники ленинского подхода к делу. «Команда была что надо – железная!»²⁰ – не скрывают они своего восхищения ленинской «гвардией». Образ Ленина, бескорыстного идеалиста и великого практика, не сходит со страниц книги (идеалы оказались не те – но это в контексте сегодняшних тоталитарных рассуждений давно уже не имеющая значения деталь). Вот и спор вождя с Мартовым, упомянутый нами выше (об Уставе РСДРП, о *кадрах*), подробно, с большой симпатией к правоте Ильича пересказан в книге.

Всё это свидетельство не столько вкусов авторов *Проекта*, сколько их тактических предпочтений. Вот и еще одно такое свидетельство. «Люди, не обладающие серьёзным ресурсом, если они честны и умны, ничуть не хуже ресурсных людей. Но давайте не отрываться от действительности. Давайте называть вещи своими именами. За короткий срок подлинная сила может образоваться только из людей, обладающих ресурсом. Ради справедливости отметим: из простых людей тоже может образоваться подлинная сила, но её формирование вытянется во времени, которого у нас нет»²¹. Ресурс бывает всякий, в данном случае это просто-напросто «бабки». Авторы упорно прибегают к эвфемизму: неловко ведь ненавидное слово «деньги» выписывать едва ли не через строку. Для политики деньги нужны всегда, для создания «новой цивилизации» подавно. Но не без смысла же повторяют и повторяют эту банальность, на десятках страниц (тем более что тактически такие повторения вряд ли выгодны). Двухдресность книги, её обращённость к средне-крупному бизнесу и к «угнетённой массе» одновременно – вот, на наш взгляд, причина способных озадачить читателя финансовых «разъяснений» второй главы.

Но вот авторы от практики переходят, наконец, к теории. Что при этом перед нами предстаёт?

Подчёркнуто рациональный по форме, *Проект* по существу обращается к наследию родственных себе иррациональных учений. «Из более двухсот государств планеты Россия – единственная защитница человечества. Она способна создать вокруг себя Союз традиционных стран, породив мощь, способную противостоять идущей по миру разрушительной волне»²². Это чуть не дословно – евразийство, князь Трубецкой²³. Профессор Венского университета, грезивший об истреблении Европы, о кровавом восстании на неё «угнетённых народов Азии

²⁰ Там же. С. 21.

²¹ Там же. С. 111.

²² Там же. С. 67.

²³ Трубецкой Н.С. Русская проблема // На путях: утверждение евразийцев. Т. 2. М./Берлин, 1922.

и мира». А вот и про другое. «Россия хранит в себе невероятно огромную энергию, сконцентрированную в народе... Мы им не по зубам. У нас здоровый сильный дух. Мы молодая, полная жизненной энергии нация, которая, несмотря ни на что, Бога не забыла... Мы смерти не боимся. Общее направление мысли выражено в словах разудалой и грустной песни «эх, пить будем, гулять будем, а смерть придёт, помирать будем». Нет здесь никакой логики...»²⁴. Такая вот «теория». Впрочем, есть и более изысканно, теологично: про Россию – Удерживающего, про Третий Рим, про Пятое Царство... Это уже, если не касаться длиннейшей предыстории, – из многочисленных статей пятилетней давности, мы не раз уже писали о них²⁵. Но кто же из читателей станет рыться в малотиражных изданиях 1920-х годов или – практически столь же недоступных – журналах начала нынешнего века? Всё это удачно скомпоновано, энергетически насыщено. Всё это – как единый агитационный материал – по существу, ново. А в одном важном отношении этот синтез нов и в действительности.

Ещё недавно национал-православные теории спасения Руси относились к советчине нерешительно и противоречиво. С одной стороны, они всё более ощущали в ней родственное себе. С другой же... «Преследование веры, антихристова власть» – всё это тоже было, вроде бы, очевидно. Сегодня, в *Проекте*, эта парализующая двойственность наконец-то окончательно преодолена.

Рассмотрим, для примера, вопрос о власти. По высокому счёту речь всё время идёт о Православном Царстве – о чём же ещё. Монархия в «Царстве», однако, как мы уже отмечали выше, отвергается; о каких-либо формах выборности, «демократии», разумеется, нет и речи. Методом исключения угадываем теократию? Нет. Всё гораздо проще. «Мы видим форму государственного правления как самодержавие по типу СССР, где самодержцем выступала партийная элита. В нашей модели тоже правит элита, но принцип формирования правящей элиты другой».²⁶ Какой это принцип, и насколько всё это похоже на зрелый, «застойный» СССР – к этим вопросам мы вскорости вернёмся. Пока что просто обратим внимание на заявку. Она своевременна: идея созрела, и по ходу последовательного знакомства с книгой православно-царственный самодержавный СССР никакого удивления уже не вызывает. «Потому что как же иначе...»

С Православием в книге слабовато. То ни к селу ни к городу, в сугубо политическом контексте, выпрыгнет на страницу «титан чести – исихаст»²⁷. То авторы затеют вдруг героический спор с «фолиокове» (так в тексте – т.2, с.118!). Лучше бы им всего этого не касаться. Впрочем, они, как правило, и не касаются. Область их истинного вдохновения – иная.

²⁴ Проект Россия. Т. 2. С. 189.

²⁵ Сендеров В.А. Историческая русская государственность и идея «Третьего Рима» // Вопросы философии. 2006. № 2; он же. Кризис современного консерватизма // Новый мир. 2007. № 1; он же. Консервативная революция в послесоветском изводе // Вопросы философии. 2007. № 10.

²⁶ Проект Россия. Т. 2. С. 151.

²⁷ Там же. С. 114.

«Помните сказку про Мальчиша-Кибальчиша? Кому наш вариант не понравится, извините...

Спрашивает Главный Демон у своих демонкратов:

- Ну, что, демонкраты, добились вы победы?

- Нет, Главный Демон, – отвечают демонкраты. – Мы отцов и братьев разбили, да примчался к ним на подмогу Мальчиш-Кибальчиш, и никак мы с ним всё ещё не справимся...

Из-за дыма и огня налетела демонская сила, и схватила, и скрутила она Мальчиша-Кибальчиша... Долго думал Главный Демон, и наконец надумал:

- Вы спросите, демонкраты, нет ли, Мальчиш, у Православного Царства, сокрытого в России от века, великого секрета?..

Ушли демонкраты и вернулись не скоро. Идут и головами покачивают.

- Нет, – говорят они, – Главный наш Демон. – Не сказал он нам Великой Тайны. А когда мы уходили, то опустился он на колени, приложился к православным иконам и, ты поверишь ли, о Главный Демон, улыбнулся...

И погиб Мальчиш-Кибальчиш... Но дело его не погибло. Освободилась Россия от чёрной власти Демона. Вернулась на землю добрая православная сказка. Воссиял из земли русской Крест Православный на всю Вселенную».²⁸

Зря авторы полагают, что это шедевр может кому-либо не понравиться. Порождение алкогольного чоновского бреда, малолетний красный фанатик, хранящий и оберегающий святую матушку-Русь... Перед нами квинтэссенция, высшая точка книги.

Ещё о власти. И ещё о врагах

Но с «возвратом в СССР» дело тоже обстоит не так просто. Вернуться, конечно, никуда нельзя; и когда молодые, полные сил публицисты поминают о канувших стабильности и порядке, за их агрессивной ностальгией встаёт не призрак застойного Союза. А картина много более тревожная. Эта тревога растёт, когда читаешь вещи, писавшиеся ранее в общем-то не раз: оказывается, и о хорошо известном можно сказать по-новому. Во всяком случае, по-новому для России.

«Либеральная интеллигенция... Образованные люди, у которых нет ни Родины, ни флага, разрушают душу России. Интеллигенция возникла лет 300 назад в результате поклонения Западу. Много бед она принесла нашей Родине. Много принесёт ещё... Фактически это предатели»²⁹.

²⁸ Там же. С. 171-174.

²⁹ Там же. С. 194, 391.

«Это мы слышали не раз»? Более точно: ни разу. Не в России звучали ранее, в середине XX века, отрывистые команды-изречения об интеллигенции и культуре. Это про то, как не надо: про интеллигенцию, несущую много бед. Про предателей. А про то, как надо, читаем на соседней странице. «Чтобы создать дееспособную команду, нужна ось, вокруг которой закрутится процесс. Требуются люди, способные сказать: «Слушай мою команду!»³⁰ Авторы книги убеждены: их команду слушают. «Всё не так плохо. Оптимизм проистекает из понимания ситуации. Волна потребления не содержит в себе духа мощи. Потребительскую стихию можно сравнить с раскачиванием в такт песне. Энергия борьбы похожа на ритм железных легионов. Чуткие уши уже сегодня слышат гул железных шагов. Это наши идут»³¹.

Не будем множить число таких – однозначных – цитат, предлагаем поверить или проверить: ими насыщена книга. «Просто стиль?» Но бывает ли подобный стиль «просто»? Да и не только в стиле дело. Действительно, конкретных рассуждений о той же грядущей власти в книге немного: идти-то идут железные легионы, а вот к чему – нам не сообщают. С демократией надо бороться без замедления, а каким будет Православное Царство – сами пока не знаем, приглашаем к сомыслию и сотрудничеству. Это не раз повторено в книге. Честное признание нельзя не поставить в плюс, вот только зачем же тогда городить том за томом... Но обойтись совсем уж без рассуждений о светлом будущем достаточно трудно. «Может, это будет конструкция пирамидального иерархического типа, а может, что-то принципиально новое»³², – гадают авторы. Но в том-то и дело, что ничего, кроме самой жёсткой иерархии, им просто в голову не может прийти.

«Первый этап: формирование идеи. *Первооткрыватели* принципиально новых теорий – люди пророческого типа...

Второй этап: осмысление идеи. *Мыслители* доводят идею до той степени ясности, когда возможность (или невозможность) практической реализации становится очевидна относительно широкому кругу элиты...

Пятый этап: администрирование, контроль работы механизма. *Администратор* следит за плановой работой механизма...

Шестой этап: механическое исполнение работ. *Исполнителей* можно отнести к разновидности инструмента. От них требуется точное исполнение поставленной задачи. Творчество возможно в очень и очень узких рамках»³³.

Нет. Это не СССР. Брежневская «элита» представляется нам сонной, домашнему, за бутылкой решавшей свои насущные дела. Довольно добродушной, пожалуй (пока, конечно, речь о её подлинных интересах не зайдёт). И совсем другая (и в другой стране) «элита» вычерчивала жёсткие

³⁰ Там же. С. 195.

³¹ Там же. С. 171.

³² Там же. С. 438.

³³ Там же. С. 9-10.

схемы, тревожно вглядывалась, кому третьим, а кому пятым сортом надлежит быть.

Сделаем теперь над собой усилие: перейдём к странным, смущающим пассажирам. Остающимся обычно за пределами серьёзного анализа. «Казнокрад и разбойник, модник и тусовщик...»³⁴. Возможна ли иная, чем простое пожатие плечами, реакция на такое сочетание? Но попробуем отнестись к нему серьёзно. Не менее серьёзно, чем десятки тысяч поклонников книги.

Тоталитарная власть стремится всех выстроить в колонну. Всех сделать правильными: мысль о том, что что-либо находится вне её компетенции, кощунственна для неё. И это касается не только главных, определяющих признаков: все должны быть правильными, одинаковыми и в мелочах. Последнего, конечно, трудно достичь на практике. Но когда тоталитарная мораль совпадает с общепринятой, религиозной – власти «везёт», и она с удвоенной яростью берётся за дело. В последние советские десятилетия ярый идеологический враг получал 7 лет лагерей. Гомосексуалист – 8. Ясно, почему Рейх убивал за однополые связи: в нём идеология включала в себя «арийскую» половую мораль. Но брежневский СССР... Иного, нежели намеченное выше, объяснения мы не видим. Важное, идеологическое выстраивание было уже двусмысленным, подчас оно смущало и саму власть. «Чего Вы хотите, государство вынуждено защищаться», – оправдывались подчас следователи, сажая людей за данную знакомым на прочтение книгу. А эти? Чего с ними церемониться! Здесь карательная машина была морально вправе размахнуться.

Можно ли довести общество до состояния, когда оно искренне будет приветствовать расправы с не так одетыми, неправильно проводящими время сородичами? А почему нет? Пример такой возможности дают не только поклонники *Проекта*. В самом центре Москвы в послесталинские времена «народные дружинники» грабили и насиловали «стиляг». Протесты припомнить не удаётся. Миллионы абсолютно невинных возвращались из лагерей, это приветствовалось обществом. Но кто стал бы заступаться за действительно неправильных?

Авторы *Проекта* отрицательно относятся к фашизму, слово это для них ругательство. Не столь страшное как «демократия», разумеется. Но всё-таки. Но у настроений определённого толка есть своя логика развития. От авторов она зависит не всегда.

Литература и история, искусство и цензура

Разобранном выше материалом рассмотрение книги можно было бы, пожалуй, и завершить: общие взгляды авторов вполне определяют их позицию по

³⁴ Там же. С. 443.

вынесенным в заголовок и прочим частным вопросам. Обычно эта позиция без труда угадывается. Авторы – сторонники жесточайшей идеологической цензуры? А разве есть в этом какие-либо сомнения? «Кто против утверждения, что всякое искусство, изменяющее сознание людей в худшую сторону, должно быть уничтожено, а всякому искусству, изменяющему человеческое сознание в лучшую сторону, нужно создавать режим наибольшего благоприятствования?»³⁵ Да кто ж против этого посмеет возражать... Но всё-таки мы хотим представить заинтересовавшемуся книгой избранный набор её суждений по различным вопросам. Не только для полноты.

«Когда Пётр "прорубил окно" в чумную Европу, концепция всеобщего равенства и свободы соблазнила Россию. Университеты, устроенные на западный манер (а иначе быть не могло), стягивали в свои стены самых умных. Началось образование наших людей не с молитвы, а с культивирования мировоззрения, глубоко чуждого православию. Волны возрождающегося на Западе язычества отравили Русь»³⁶. Есть ли во всём этом что новое? Конечно. Настрой. Накал ненависти. К университетам и к умным, к Западу и к Петру.

Исторические взгляды авторов поучительны и типичны. В десятке мест они почтительно кивают на положительные примеры из Смутного времени. И это – порог, всё доброе в нашей истории завершено задолго до имперского её периода. Завершено и оболгано.

«Иван Грозный, которого Карамзин в угоду царствующему дому обругал вдоль и поперёк, за всё время своего правления, по самым максимальным цифрам, казнил от силы 50 000 человек. Выше этого числа не заявляет никто, в том числе самые ярые противники России на Западе... Во время правления французского короля Карла IX в ночь на 24 августа 1572 года только в Париже было вырезано около 10 000 человек (Варфоломеевская ночь). С августа по октябрь в окрестных городах было вырезано ещё 70 000 человек»³⁷.

Сравнение Опричнины с Варфоломеевской ночью – общее место «патриотической» публицистики, уже в начале 1980-х, в работах Вадима Кожинова, мы встречаем его. Как будто не ясно качественное, а не количественное различие этих явлений. В религиозных войнах противник был именно противником, врагом, его ненавидели за то, что он *полнотой своей свободной воли* предпочёл Добру Злу. Логика опричного террора – иного рода: «Все рабы и рабы и никого, кроме рабов». В животишках же холопьев своих Государь, как известно, завсегда волен.

Впрочем, как ни характеристичны подобные «петровско-грозненские» пассажи, цельной исторической концепции в книге всё-таки нет. Но зато – несколько неожиданно – мы встречаемся с концепцией литературной.

³⁵ Там же. С. 425.

³⁶ Там же. С. 390.

³⁷ Там же. С. 405-407.

«Можно ли считать творения Пушкина, Чехова, Толстого и целой плеяды писателей, на произведениях которых выросло не одно поколение граждан нашей страны, опасными для этих самых граждан? Кажется, вопрос риторический»³⁸. Пусть не кажется. Авторы красноречиво разъясняют нам, в чём опасность и вред. «Давайте посмотрим, в каком виде русские литераторы преподносят элиту России. Невооружённым взглядом видно их резко отрицательное отношение к знати. Гоголь отзывается об элите России исключительно как о племени прохвостов, которым не ведомы высокие цели»³⁹. Гоголь, несомненно, – самый убедительный пример. Хорошо, знакомство авторов с *Мёртвыми душами* ограничено советским школьным курсом, нетипичный положительный образ губернатора в нём не изучался. Но как, если уж рассуждать об отношении писателей к элите, удалось нашим христианнейшим публицистам пройти мимо «Выбранных мест из переписки с друзьями»?

Русская литература – губительница родной земли... Родившийся на кончике розановского пера⁴⁰, образ этот в 1960-е годы перестал быть парадоксом: в подсоветской подпольной публицистике он разрабатывался глубоко и всерьёз. «Столыпины – то у нас были: Кипплингов, беда, не оказалось», – едва ли не причиной октябрьской катастрофы выдвигает подобное положение «Молодёжь в русской истории», получивший значительное по тем временам распространение самиздатский трактат (позднее опубликован издательством «Посев»⁴¹). Что ж, в обществе, не знакомом ни с *Вехами*, ни с Федотовым, пренаивное отождествление русской литературы с русской интеллигенцией можно объяснить.

«Если верить... писателям, которых до сих пор боготворят, Россией управляли сплошь идиоты и самодуры. Кто же тогда выигрывал войны и строил империю, ставшую в итоге самой огромной на планете?... Почему-то русским литераторам о русских героях скучно писать. В роли героя непременно представитель иностранной элиты»⁴².

Конечно, иностранной. Например, у почему-то до сих пор боготворимого писателя по имени Лев Толстой. Кутузов в *Войне и мире* противопоставлен всем этим немцам на русской службе не меньше, чем самому Наполеону. Про других русских героев, которые войны выигрывали, – см. у этого же писателя. А ещё у Пушкина с Лермонтовым и др. Неужели авторы ни *Капитанской дочки*, ни *Героя нашего времени* не читали?

³⁸ Там же. С. 394.

³⁹ Там же. С. 397.

⁴⁰ Розанов В.В. Уединённое. М., 1992. С. 25-26, 40-41.

⁴¹ Русланов И. Молодёжь в русской истории. М., 1972.

⁴² Проект Россия. Т. 2. С. 401.

Но мы неправы. Создатель *Войны и мира*, разжалованный в русофобы... Это нелепо. Но не так уж смешно. И уже совсем не хочется смеяться, читая призывы «расчистить от многовекового мусора» нашу великую православную культуру⁴³.

Отметим напоследок большое достоинство *Проекта*: он не агрессивен. Можно говорить о логике неизбежной эволюции; но это уже отдельный вопрос. Распылением в прах, выписыванием из человечества *Проект* сегодня грозит именно России.

⁴³ Там же. С. 427.